

3

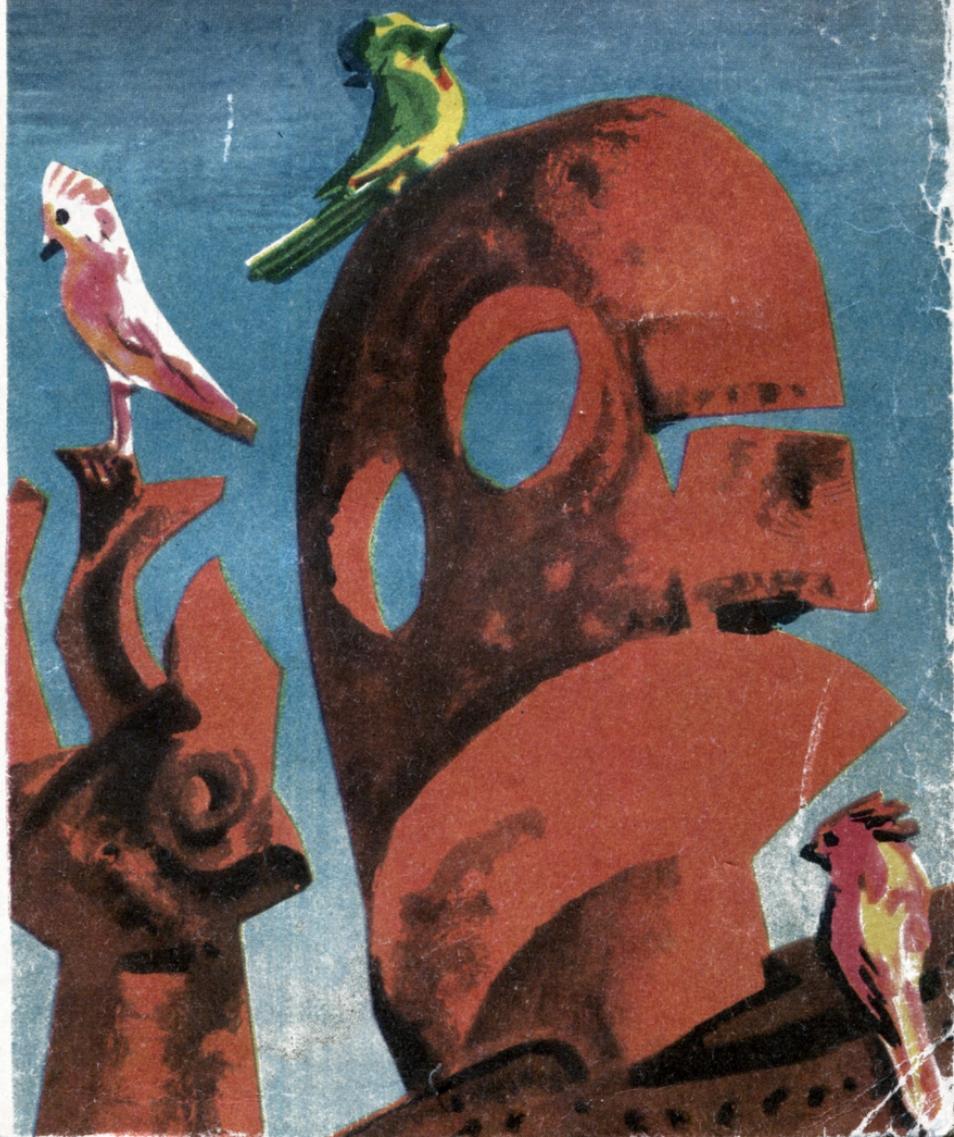
1969

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

С. ЖЕМАЙТИС

Научно-фантастический рассказ

Легкий катер «Мустанг» с добродушным урчанием перебирался с одной волны на другую. Вода казалась тяжелой как ртуть, и была такой же серебристо-серой, как и небо, затянутое облаками.

— Осколки циклона, — с сожалением сказал Костя, показывая глазами на небо. — К нам шел приличный циклон, да его расстреляли возле Суматры. Теперь мы с тобой можем рассчитывать самое большее на свежий ветер.

Я молчал, слушал и любовался пастельными тонами неба и воды. Мне порядком надоел ветер.

Позади остался пестрый буй, отмечающий восточный угол загона для китовых акул. Нас провожает веселая ватага дельфинов Тави и Протея, охраняющих границы ферм и плантаций. Недавно их сменили другие часовые-дельфины, и двое друзей с радостью увязались за нами. Костя перевел рулевое управ-

ление на автоматику: мы должны были пересечь строго по прямой сто километров еще не освоенной целины, взять пробы воды и составить график плотности планктона на этой акватории. Костя возложил на себя, по его мнению, самую «трудную» часть работы: он сидел в прохладном шкиперском кресле, вертел в руках какую-то проволочную штуковину, поглядывал на лаг, подавал мне команды. А я, свесившись за борт, с трудом зачерпывал воду в длинный узкий стакан емкостью в пятьсот кубиков. Я беру пробы через каждые двести метров. Не так просто набрать воды, перегнувшись за борт на довольно быстром ходу. Я уже утопил один стакан. И нет гарантии, что такая же участь не ждет весь комплект лабораторной посуды. Костя делает вид, что не замечает моих мучений, и все-таки, кажется, его слегка мучает совесть, потому что он все время старается развлечь меня местной хроникой новостей. У Кости замечательная особенность — ничего не пропускать мимо. Он знает все, что творится на нашем острове и в лагуне, где через своего друга дельфина Протея он завел обширные знакомства среди приматов моря.

Костя вдруг захохотал, передвинул белую широкополую шляпу на затылок:

— Пока мы плескались в лагуне, жена биолога Нильсена — Гера улетела на попутном гидролете. Опять зачерпнул половину. Набери еще. Не ленись. Сопrotивляйся всеми силами одолевающим тебя порокам. Вот и молодец. На нее сильное впечатление произвели желтые крабы. Вчера несколько экземпляров сделали ей ночной визит. Некоторым так понравился остров, что они не хотят возвращаться в море, вырыли себе норы в кокосовой роще или облюбовали трещины в базальте и после заката солнца бродят по острову. Она сказала мне на прощанье: «Я восхищаюсь вашим героизмом, но я сама больше не в силах. Они стали прыгать с потолка, когда я была еще в постели». Представляешь сцену? Да! Я утром перекинулся парой слов с Лагранжем. СегднЯ будут устанавливать датчики в голове Большого Жака. Неужели и у кальмаров есть что-то похожее на разум? Я — за! Жак относится к самому совершенному виду в генеалогическом древе головоногих. И если у него такой сверхмощный аппарат воздействия на психику окружающих, то почему бы и не быть каким-то зачатком ума. Лагранж говорит, что они сконструировали прибор, улавливающий гипнотизирующие излучения Жака. Где найти время? Как бы мне хотелось заняться и этой проблемой!

Я его почти не слушал, брал пробы воды и одновременно предавался размышлениям...

Вот уже месяц, как мы живем на плавающем острове, сооруженном из литых базальтовых блоков. Это один из множества искусственных островов, разбросанных в просторах Мирового океана. На нашем острове обязательная биостанция, многочисленная колония дельфинов и китовая ферма; она-то и привлекла нас больше всего, когда надо было выбрать место для летней студенческой практики. Костя болтал без умолку под аккомпанемент моря, а я черпал воду и почему-то вспоминал первый вечер на острове...

Океан отходил ко сну. Пассат чуть дышал. Двадцатиметровые

колеса воздушных генераторов вращались так медленно, что можно было пересчитать их блестящие лопасти. На западе стояла перламутровая стена, вся она трепетала и переливалась. Где-то там, за этой радужной стеной, умирала «Адель» — по старой традиции циклоны носили женские имена. Туда с нашего острова весь день летели метеорологические ракеты, нацеленные в эпицентр вихря — сердце «Адели». Она тщетно стремилась уйти, вырваться из-под метких ударов. Но у нее не хватало сил: к нам она подошла уже порядком израненная после бомбардировок с воздуха и обработки конденсаторами водяных паров.

Мы с Костей сидели под силиконовым колпаком на вершине смотровой башни. Вернее, я сидел, а Костя стоял и смотрел на радужную стену, чему-то улыбался, барабанил пальцами по толстой прозрачной стенке. Колпак слегка раскачивался, создавая полное впечатление, что мы висим в гондоле учебного аэростата для тренировочных прыжков с парашютом. Хорошо и немного жутковато болтаться на шестидесятиметровой высоте.

В океане отражались краски перламутровой стены. Миллях в трех мелькали темные спины китов, они паслись на планктонных полях. К острову возвращались дельфины, закончившие вахту у загонов синих китов и рыбных питомников. По дороге дельфины устроили какую-то веселую игру, что-то вроде пятнашек. В лагуне под нами (башня стоит на ее правом крыле) тоже плавали дельфины; было хорошо видно, как они совершали в прозрачной воде сложные построения, а затем одновременно стремительно бросались вперед, вдруг строй рассыпался, и все начиналось сначала...

Я утопил еще один стакан.

Костя сказал, что больше не может равнодушно наблюдать за гибелью лабораторного оборудования, и с гримасой страдания на лице поднялся с кресла. Проволочная штуковина, которой он забавлялся все это время, оказалась специальным держателем для стаканов.

Косте теперь совсем не надо свешиваться за борт. Он зачерпывает воду и подает мне стакан для анализа. Всю эту работу прежде делал я один. Но с Костей спорить невозможно, если дело касается распределения труда.

— Неблагодарный! — ответил он мне на мою слабую попытку восстановить справедливость. — Ты забываешь о полученной информации и тех затратах интеллекта, которые у меня пошли на это.

Я блаженствую в прохладном кресле. Несложная работа доставляет мне наслаждение. Даже не сама работа, а все в комплексе: и шуточные препирательства с Костей, и соленые брызги, перелетающие за борт, и овевающий прохладой пассат, и главное — ощущение бескрайнего простора и свободы.

Тави и Протей гоняются за летучими рыбами. Нужны сверхловкость, сила, скорость, чтобы поймать рыбу на взлете. Рыба вылетает из воды с большой скоростью, и надо ухитриться схватить ее у самой воды. Через мгновение она становится уже недостижимой. Конечно, для дельфина не составляет большого труда схватить рыбу в момент приводнения. Только какой истинный спортсмен пойдет на это? Тави с Протеем по очереди

делали попытку поймать летучую рыбу. Один выгонял ее из воды, второй, получая сигналы загонщика, мчался по поверхности. Им не везло: каждый раз рыба вылетала то справа, то слева от охотника или же на несколько метров впереди. Увлеченные состязаниями, дельфины далеко уклонились от курса «Мустанга» и, наконец, совсем исчезли в синей сверкающей дали.

— Необыкновенный народ! — воскликнул Костя, вскочив на планшир и глядя в сторону исчезнувших дельфинов. Спрыгнув в катер, он застыл со стаканом в руке; постояв несколько секунд, он задал один из своих неожиданных вопросов:

— Ив, тебе никогда не хочется превратиться в дельфина?

— Мы и так почти как дельфины, даже рыбы, когда плаваем, надев искусственные жабры.

— Да... почти. А вот как они: ловить летучих рыб; мчаться со скоростью ракеты, биться с акулами; ночью охранять соплеменников от пришельцев из бездн? Словом, чувствовать себя не гостем, а частицей океана? — Костя поморщился. — Если бы только не надо было глотать сырую рыбу. Хотя можно питаться устрицами! — Найдя блестящий выход, Костя стал насвистывать победный марш из «Веселых креветок».

Дельфины почему-то не возвращались. Я сбавил обороты двигателей. Прошло полчаса, дельфинов все не было. Костя

Рисунки Н. ГРИШИНА

предложил поднять сторожевую «бочку» и, конечно, мне самому осмотреть горизонт. Я не стал спорить. Высоты я не боюсь и всегда не прочь покачаться в «бочке» из тонкой проволоки, помещенной на конце двадцатиметровой складной конструкции...

Я сразу увидел их милях в десяти. Они шли к нам на предельной скорости. Я уже хотел сказать Косте, чтобы он спускал меня, как, бросив случайно взгляд в сторону от дельфинов, заметил характерные всплески. Наперерез Протею и Тави, пожалуй, с еще большей скоростью шла стая косаток. Вторая стая стремилась отрезать дорогу к нам с другой стороны, и еще несколько косаток наседали сзади. Услышав о косатках, Костя мигом все понял. Через несколько минут, «срубив мачту», мы уже неслись на выручку. Катер ревел, перелетая с волны на волну. Костя сидел за штурвалом, вобрав голову в плечи, словно приготовившись к прыжку. Я смотрел вперед под защитой ветрового стекла, по правде говоря, не представляя, что мы сможем сделать с таким количеством косаток. Сквозь рев, шум и плеск до моего слуха донеслось:

— Ружье! Бери... Осел! В левом рундуке!

Я не обиделся на «осла» и поспешно вытащил карабин, стреляющий отпугивающими гранатами. Как жаль, что не было ампуломета или оружия еще посерьезней!

Костя вел «Мустанг» на самый большой отряд косаток. До него было еще около мили, но я не вытерпел и выстрелил.

Костя кивнул:

— Правильно! Пали еще. Пусть почувствуют, что мы с ними не намерены шутить.

Действительно, мы должны были сбить их с толку, предупредить, что их ждут неприятности.

— Стреляй! — орал Костя.

Мы были уже в двухстах метрах от ближних косаток.

— Еще!

Я нажимал на спуск. Шумовые гранаты лопались в воде и в воздухе несколько в стороне от косаток. Все же они отвернули в сторону и скрылись под водой, уходя от «Мустанга».

Костя крикнул что-то предупреждающее. Я не расслышал, но понял смысл команды, когда больно ударился о борт, брошенный на него инерцией: «Мустанг» круто развернулся, Костя повел его на другой отряд, но уже сбавив скорость, дав Тави и Протею подойти поближе к борту, под защиту моей «артиллерии».

Второй отряд косаток тоже уклонился от встречи, скрывшись под водой.

Костя включил ультракоротковолновый гидрофон и спросил дельфинов, не было ли среди косаток Черного Джека. Механический переводчик тотчас выдал их ответ, что Джек находился в третьем, замыкающем отряде и что они слышат его сигналы в миле отсюда.

Черный Джек — настоящий пират. Он причинил массу бед жителям многих плавающих островов. Со своей стаей Черный Джек врывается через защитные заграждения в питомники для рыб и выгонял их в открытое море, убивал сторожей-дельфинов, нападал на китов. Но еще не было случая, чтобы он атаковал людей.

Я предложил отступить к ближайшему атоллу, хотя в его лагуну заходить не разрешалось. Но у нас не было выхода.

— Бежать? — возмутился Костя. — Мне стыдно перед Тави, Протеем и даже перед «Мустангом»! Ни в коем случае! Они не посмеют напасть.

— Посмеют!

— Ну это мы еще посмотрим. По правде говоря, мне было жаль Черного Джека, когда его травили, но сейчас, если он посмеет...

На маленьком экране видеофона, вмонтированном на приборной панели, появился Лагранж. Он сегодня нес дежурство по острову. Выслушав Костино сообщение, биолог потер руки:

— Счастливы! Вам удалось встретиться с самим Джеком. Первый случай за последние две недели! Как жаль, что у вас нет метателя для ампул и даже просто ампул. Возможно, вам посчастливилось бы гораздо больше, нежели ребятам с «Кальмара». Держитесь, я сейчас вышло к вам всю эскадру реактивных катеров, и нахальный Джек будет взят под стражу. Советую не подходить к нему особенно близко и не демонстрировать агрессивных намерений. Помимо ракет, поднимаю в воздух «Колымагу», набитую снотворным, — Лагранж помахал рукой, подмигнул и исчез.

Мы находились в пятидесяти милях от плавучего острова. Помощь с моря могла подойти только через полтора часа, учитывая сборы, и, конечно, в том случае, если мы будем держать-

ся на месте. Вся надежда была на гидросамолет — «Колымагу». Но неожиданно стала портиться погода; усилился ветер. Косатки скрылись, вернее, их трудно было различить на большом расстоянии среди белых гребней волн.

Барометр падал с утра, к вечеру ожидалось довольно сильный ветер и волнение, да этому никто не придавал особого значения. У нас всегда дует ветер и океан гонит бесконечные гряды волн. А «Мустанг» рассчитан на борьбу с ураганом любой силы. В крайнем случае он может перейти на подводное положение и переждать бурю на глубине 15—20 метров.

Развернув катер против ветра, мы держались почти на месте. Наши дельфины-разведчики время от времени сообщали о положении противника, да мы и сами слышали косаток через гидрофон. Спустя несколько минут после разговора с Лагранжем они оставались на прежнем расстоянии от нас. Затем стали удаляться. Соответственно, мы прибавили скорость. Противник применил свою излюбленную тактику, так по крайней мере нам показалось вначале. Джек, думали мы, рассредоточил свой отряд.

Костя сказал:

— Сейчас пойдут в разные стороны, и опять мы останемся с носом. Если бы удалось определить курс Джека! — он в гидрофон приказал дельфинам держаться ближе к «Мустангу».

Тави и Протей сообщили, что приняли приказ. И вдруг в гидрофоне раздались какие-то странные звуки. Они то нарастали, то становились едва слышными.

— Джек запел «песню смерти!» — крикнул Костя. — Кажется, он действительно собирается на нас напасть.

Ветер завыл в ушах, и наш катер чуть не накрыло волной. Костя круто развернул «Мустанг» и включил двигатели на полную мощность.

Когда я догадался нажать на кнопку с надписью на ней «Полная герметизация» и нас накрыла прозрачная кабина, Костя посмотрел на меня.

— Вот не было печали, — сказал он радостно. — Впрочем, нет худа без добра. Я успел записать «песню смерти», а, насколько мне известно, не многие могут похвастаться такой записью в своей фонотеке.

Лагранж передал, что катера вышли, а «Колымагу» готовят к вылету и через несколько минут она поднимется в воздух. Летят Петя Самойлов и его друг Ки.

— Я бы на вашем месте не трогал сегодня «Колымагу», — сказал Костя. — Ветер так посадит ее на воду, что ей не взлететь.

— Возможно, и я рассуждал бы так же, будь на вашем месте, — засмеялся Лагранж и, глянув в сторону, добавил: — Они уже поднялись.

Слушая диалог между Лагранжем и Костей, я с минуту перестал наблюдать за морем и когда бросил взгляд на побелевшие валы, то увидел огромное тело косатки, скользившее в пене, в каких-нибудь ста метрах. Сразу бросался в глаза очень темный цвет ее кожи, почти черный.

«Джек!» — подумал я, невольно любясь близким родственником наших дельфинов.

— Убийца! Убийца близко! Он слева! — слышались из гидрофона голоса дельфинов.

Голос механического переводчика в гидрофоне звучал ровно и спокойно, без тревожных интонаций, а между тем это был предостерегающий крик наших друзей. Я открыл иллюминатор и выстрелил. В грохоте урагана раздался бессильный, еле слышный хлопок.

Я видел, как Тави рискованно жметя к самому борту.

Джек, а это действительно был он, прошел очень близко. Мне показалось, что он зловеще скалит зубы.

«Мустанг» мчался на предельной скорости, возможной при таком волнении. Косте часто приходилось убавлять обороты моторов, особенно когда мы взлетали на гребень. Достигнув вершины волны, катер срывался, летел по воздуху с десяток метров и шлепался о воду, поднимая фейерверк брызг и зарываясь носом так, что вода прокатывалась через кабину.

Тави и Протей держались возле «Мустанга». Один с правого борта, другой с левого. Через двадцать минут гонки они стали отставать, так как волна прошла круче и им приходилось большие расстояния проплывать под водой, так же как и нам пробивать волны.

Косатки со всех сторон замелькали в бушующем море. Все ближе, смелее они подходили к нам. Дельфины замолчали, приготовившись к последней схватке. А может быть, они все еще надеялись на наше могущество, которое они считали беспредельным?

Из иллюминатора хлестнула упругая струя воды, обдав нас с головы до ног.

Костя только мотнул головой, что-то отвечая Пете Самойлову, летящему на «Колымаге», и ребятам, спешащим к нам на катерах.

Нас снова накрыло волной. В мутном зеленом свете через крышу прозрачной кабины я увидел силуэты дельфинов, над ними мелькнула длинная тень косатки.

Трудно сказать, почему медлили косатки. Возможно, Черный Джек считал, что дельфинам все равно не уйти, и вел с ними жестокую игру. Или же он опасался, нет ли у нас про запас какого-нибудь неожиданного оружия. Схватки научили Джека осторожности. Так или иначе промедление врага спасло Тави и Протея.

— Идиоты! — сказал Костя, поворачивая рычажок на панели управления, и скомандовал в гидрофон: — Заходите в санитарный отсек, на корме, сбоку, скорее!

— Кого ты имеешь в виду? — спросил я. — И о каком отсеке ты говоришь?

— Идиоты мы с тобой, — Костя с облегчением вздохнул и улыбнулся. — И ты и я. Забыли, что идем на санитарной машине с кабиной для перевозки больных дельфинов. Они уже там! Прекрасно! — Костя поставил рычажок на панели управления в прежнее положение и посмотрел на экран локатора. Прямо на нас двигалась зеленая, искрящаяся точка. Костя слегка отвернул в сторону. Точка устремила теперь под углом к «Мустангу»: одна из косаток шла на таран. Через несколько мгновений она врежется в борт и пробьет обшивку. Я, как

загипнотизированный, смотрел на зеленую точку. Костя повернул катер прямо на атаковую косатку. Я закрыл глаза и впился руками в поручни, ожидая страшного толчка. Катер только сильно вздрогнул. Косатка прошла, лишь слегка задев «Мустанг» по правому борту. В последний момент Костя ухитрился увильнуть от прямого удара.

Атака следовала за атакой. Черный Джек, наконец, понял, что «Мустанг» не может постоять за себя.

Все время нас дружески подбадривали ребята, идущие на выручку, хотя они находились еще очень далеко, потому что косатки не дали нам повернуть к острову, и мы уходили от него на предельной скорости, возможной при таком ветре и волнах. Все надежды мы с Костей возлагали на Петю и Ки, летевших на «Колымаге». Они уже несколько раз пронеслись где-то над нами и, как радостно сообщил Петя Самойлов, высыпали «прямо нам на голову» два контейнера ампул с усыпляющим ядом. И промазали, что было не мудрено при таком ветре и значительной высоте, на которой шла «Колымага». Ниже опуститься они не могли без риска рухнуть в бушующий океан.

Я предложил Косте прорваться из окружения и идти навстречу спасателям. Костя покачал головой.

— На повороте мы потеряем скорость, и тогда...

Действительно, все наше спасение теперь было в скорости. Косатки вряд ли могли протаранить «Мустанг», не имея преимущества в скорости.

Время от времени корпус нашего катера вздрагивал: то одна, то другая косатка выжимала все, что могла, и ударяла носом в корму. С борта зайти им уже не хватало сил.

— Выдохлись, — сказал Костя, не спуская глаз с залитого водой стекла.

Волны стали выше, а склоны их более пологими. С пенистой вершины «Мустанг» прыгал теперь еще дальше. От ударов о воду гудело в голове, сиденье податливо уходило вниз, и поэтому экран эхолотатора, за которым я следил, взлетал вверх. Я боялся за жизнь Тави и Протея: хотя стены отсека покрывал толстый слой губчатого пластика, к тому же там поддерживался необходимый уровень воды, все же кабина рассчитывалась на перевозку в ней дельфинов не на такой скорости.

На экране видеофона появилось лицо Лагранжа. Он улыбался несколько виновато и беззвучно шевелил губами. Наконец, поняв, что мы его не слышим, он сделал движение руками, показывая, что надо медленно разворачиваться вправо. «Мустанг» сорвался с гребня волны, шлепнулся так, что у меня потемнело в глазах, и экран погас.

Хотя «Мустанг» и был рассчитан на всякие передрыги, наверное, сказалась старость, а может быть, его давно подтачивали какие-то кибернетические болезни, и вот отказали его речь и зрение.

— Опять нас учат, — печально сказал Костя. — Советуют развернуться вправо и получить пару ударов в бок.

От сумасшедшей тряски и ударов вышла из строя и наша радиостанция. Правда, не совсем — некоторое время еще работал приемник, но с перебоями.

Петя Самойлов и Ки опять где-то пролетели над нами и вы-

сыпали очередную дозу снотворного. Чтобы нас подбодрить, кто-то на одном из катеров рассказывал, как в прошлом году он сам очутился чуть ли не в худшем положении во время экспедиции в Антарктику. Приемник все время делал паузы, и мы так и не узнали, что же случилось с этим парнем в Антарктике. Несколько раз прорывался голос Лагранжа. Из обрывков его фраз можно было понять, что впереди нас ждет какая-то новая опасность.

— Наверное, он имеет в виду рифы, — сказал Костя. — Только я учел эти самые «Черепашьи камни», они остались северо-западнее, не то бы мы давно уже налетели на них. Мне, по правде говоря, не хочется иметь сейчас дело с рифами.

Костя, сосредоточенно молчавший последние несколько минут, неожиданно разговорился. Молчаливое напряжение, чувство ответственности давили его, ему надо было как-то подбодрить себя, перейти на другой ритм, и он стал говорить, говорить без умолку.

— Держись! Хорошо! Молодец старый конь! (Это в адрес «Мустанга».) Но, но, веселей поднимайся в гору. Они совсем отстали. Сейчас положу право на борт! Нет, еще рановато. Крайний слева так и ждет, чтобы броситься в атаку. Только попробуй...

Великий Кальмар и вся нечисть глубин! — неожиданно выругался Костя. — Кто это выключил гидрофон? Неужели я сам? То-то, чувствую, чего-то не хватает. Как там Протей? Протей! Жив, дружище?

В тот же миг Протей ответил:

— Впереди «твердая смерть»!

Мы поднялись на гребень, и через экран локатора протянулась сверкающая полоса и тут же погасла: мы скатывались в «долину».

Лот показывал тридцать метров.

Как далекий гром рокотал прибором.

Костя посмотрел на меня. В глазах его мелькнула растерянность. То же самое он, наверное, увидел и в моем взгляде, и к нему вернулась прежняя сосредоточенность. Суставы его пальцев, сжимающие штурвальное колесо, побелели. Он не изменил курса, а вел «Мустанг» прямо на рифы. Я протянул руки, чтобы повернуть колесо.

— Оставь... Только так. Единственный выход!.. Пройдем на гребне...

Костя стал сбавлять обороты двигателей. И скоро я заметил, что мы держимся на гребне водяной гряды, летевшей к рифам. Волна мелководья стала расти, катер высоко задрал нос, мы уже не видели бушующей пены на рифе, только грохот сотрясал весь «Мустанг» и все наши внутренности.

Заскрежетало по днищу. Катер развернулся лагом, то есть боком к волне, затем его стало вращать вдоль продольной оси, ударился прозрачным куполом о скалу, и наступила тишина.

После скачки и судорожных прыжков «Мустанг» будто переминался с ноги на ногу. Я открыл глаза, стараясь понять, что произошло.

Низко, над прозрачным куполом кабины пролетали синева-

тые ключья туч. Ухали и шипели волны, омывая мою гудящую голову, и бежали по лицу, шее, стекая за воротник рубашки.

— Наконец-то ожил, — услышал я знакомый голос.

Повернув голову, я увидел Костю с термосом в руке. Тоненькая струйка стекала из блестящего изогнутого носика термоса мне на голову. Ледяная вода приятно обжигала кожу.

— Вот и все, — Костя заглянул в термос и бросил его в сторону.

— Что все? — спросил я чужим голосом. — Вода кончилась?

— И вода, и ты, наконец, открыл глаза. Ох, и повозился я с тобой. Сидишь, блаженно улыбаешься и мычишь, как глухонемая сирена. Должен признаться, что ты дьявольски напугал меня. Почтище Джека. Почему ты не пристегнулся ремнем?

— Сам-то пристегнулся?

— Я — другое дело. У меня есть опыт кораблекрушений.

— Это с яхтой?

— Хотя бы.

— Но и я ведь тоже там был!

— Мало находиться. Я говорю об опыте. Вот и сейчас, какой ты извлек опыт? Боюсь, что никакого, — Костя ощупал меня взглядом и спросил голосом капитана из пиратского романа: — Проверь, цел ли корпус, шпангоуты, рангоут.

— Рангоут? Ничего не соображаю!

— Я имею в виду исключительно твою особу. Ну, целы руки, ноги и не болит ли в грудной клетке, в животе?

— Как будто нет. Вот только слегка голова.

Костя засветился в улыбке.

— Как мне пригодился опыт «бегущего по волнам»?! Помнишь, как я катался на доске? На Гавайях прибой повыше! Ты заметил, как ловко, прямо-таки изящно, я взял этот барьерчик?

— Ничего себе изящно, — я нащупал на голове шишку с кулак величиной.

Не обратив на мой жест никакого внимания, Костя продолжал хвастаться:

— И я не удивляюсь, что так все ловко получилось. Вот что значит сбалансированность рефлекторной деятельности!

— У кого?

— Не догадываешься?

Наверно, я и в самом деле здорово ударился головой, потому что только после этих слов вспомнил о Тави и Протее, и мне по-настоящему стало плохо. Прошиб пот, и закружилась голова. Я показал глазами на корму.

— Все в порядке, хотя им досталось несравненно больше, чем тебе, — успокоил Костя. — Я раскрыл створки их каюги еще до того, как нас первый раз ударило о коралловый кустик. Я видел, как они ушли в море. Связь же с ними прервана. Наш переводчик молчит, и вообще все молчит! — Костя захохотал и шлепнул рукой по приборам.

Наверное, на моем лице до того выразительно отразилась мелькнувшая было мысль, что Костя, подмигнув, сказал:

— Не бойся, у меня все в порядке. А то, что я несколько возбужден, то это вполне объяснимо. Неужели ты сам не доволен, что все так здорово получилось? Черный Джек остался с носом. Мы вблизи настоящей земли или около нее — видишь, темнеют пальмы? Стекло все в трещинах, ты посмотри вот сюда, пониже. Видишь? Мы надежно укрылись за барьерным рифом. Минут через тридцать подойдут сюда ребята. Надо покопаться в электронике. Помнишь, когда-то мы с тобой собирали неплохие транзисторы? — Он посмотрел на меня как заговорщик. — Неплохо было бы вообще потерять на время все средства связи. Только ребят жалко, начнут поиски во всемирном масштабе. Соберется флот Индийского и Тихого океанов, налетят аэропланы, не считая нашей «Колымаги». В наше время трудно потеряться. Хотя... У меня возникла одна гениальная мысль. Но пока это тайна.

С помощью аварийного устройства мы еле убрали кабину, правда, не полностью, все же теперь можно было выбраться из катера, подойти к берегу и бросить якорь. Я прыгнул на землю, а Костя копался еще минут двадцать в чреве «Мустанга», все время насвистывая бравурный марш из «Веселых креветок». Под звуки этого же марша он вылез из люка и, продолжая насвистывать, стал рассматривать низкий берег с редкими, торчавшими вкривь и вкось пальмами. За узкой полосой суши синела подернутая рябью лагуна. Не поворачивая головы, Костя сказал:

— Мне все больше нравится это тихое местечко. Ты знаешь, — сказал он вдруг подозрительно скорбным тоном, — мне так не удалось наладить двигатель: замыкание в сети. Передатчик тоже поработает еще немного, и все. — Последовал глубокий вздох и приказание в виде просьбы: — Не мог бы ты сказать пару слов в эфир насчет нашего «бедственного» положения? Денек-другой мы провозимся с машиной. Скажи, что «Мустанг» сейчас похож на жестянку, набитую хламом. Или лучше помолчи об этом, а не то еще высадят парашютные десанты.

* * *

Вокруг острова, даже с подветренной стороны, вода кипела, разбиваясь о коралловые рифы. Как ни хитрил Костя, а в тот день нам все равно не удалось бы возвратиться домой. С моря атолл был практически недоступен. Еда ли кто-нибудь из командиров катеров решился бы проделать то, что сделали мы с Костей. А вырваться в море отсюда было еще сложнее.

Мы провели катер к широкому каналу, облицованному плитами из кораллового известняка. Волны уже сбросили часть покрытия с его берегов, все же канал выглядел еще как солидное гидротехническое сооружение. При входе по обеим сторонам стояли изгрызенные волнами невысокие башни из серого бетона; развалины каких-то странных сооружений непонятого назначения виднелись по берегам, облицованным такими же плитами, как и стенки канала.

Мы не особенно удачно выбрали место для стоянки на берегу: негде было укрыться от ветра, а за стенами развалин темнела вода. Здесь росло несколько кокосовых пальм.

За белой линией прибоя мелькали длинные корпуса ракет. Они рыскали, пытаясь нащупать косаток. Наконец, поняв, что Джек увел свой отряд, ребята отсалютовали нам серией разноцветных ракет, построились в кильватер, взяли курс на северо-восток.

Когда Костя вышел на берег, меня заинтриговало выражение его лица. После всех передраг глаза его сияли, а физиономия лучилась от радости.

— Все-таки я включил передатчик, — крикнул он мне на ухо, потому что ветер свистел в ушах: отрывал слова от самого рта и уносил в грохочущий океан. — Когда услышал, куда мы с тобой попали, появились дополнительные вопросы. Да, да! У меня, конечно. Нам не выбраться отсюда, пока не утихнет ветер. А ты сам знаешь, что у него достаточный запас сил! Ни за что не отгадаешь, куда нас загнал этот проклятый Джек. Все ребята сходят с ума от зависти! Даже Нильсен, сменив Лагранжа, сказал, что завидует нам.

— Видимо, чтобы подбодрить нас?

Костя округлил глаза, фыркнул:

— Это же остров «Икс», или «Кольцо из яшмы». Вот куда нас загнали косатки! Нильсен сказал, что к нему даже дельфины избегают подходить.

Об этом острове я слышал как-то мельком от Пети Самойлова. Ничего толком он и сам не знал о нем, кроме того, что несколько лет назад здесь погибло несколько человек при попытке преодолеть линию прибоя. С тех пор вообще запрещено посещение острова судам всех категорий, только гидролеты могут садиться на поверхность лагуны, и то по специальному разрешению. Как-то во время дежурства, рассматривая карту на Центральном посту, я обратил внимание на крохотный кружок среди рифов и еще раз подивился разнообразию творческих возможностей природы. На этом мой интерес к острову угас, к тому же каждый день приносил столько впечатлений, что остров «Икс» затерялся в них, как в пене прибоя.

— Нильсен сказал, что он искусственный! — кричал Костя мне в ухо. — Лет сто назад его построили... направленные взрывы. Литературы почти не сохранилось... До сих пор загадка. Они запросили исторический архив... Займемся...

— Чем займемся?

— Исследованием... Раскопки...

— У нас нет даже лопаты.

— Найдем! — уверенно, как всегда, заверил Костя и предложил пока отметить начало «великих работ» пиршеством.

Внезапно почти совсем стих ветер. Мы чуть не упали, потеряв точку опоры. Оттого, что прекратился свист в ушах, прибой загрохотал сильнее. Мельчайшая водяная пыль оседала туманным облаком.

Костину затею развести костер и устроить пиршество сорвал ветер. Стихнув было, он набрался сил и так подул, что ореховая скорлупа, которую мы насобирали с большим трудом, была поднята в воздух и бросена в воду.

Мы забрались на «Мустанг» и стали выбирать более прилич-

ное место для лагеря. В западной части кольца суша несколько расширялась, и там ветер трепал рощу кокосовых пальм. Наверное, из-за этой рощицы остров носил второе романтическое название — «Кольцо из яшмы».

— Почему из яшмы? — спросил Костя. — Лучше с яшмой. И то при необыкновенном воображении. Хотя если смотреть со спутника, то, возможно, колечко покажется зеленым среди белой пены.

Мы пересекли лагуну, и возле берега катер попал в «мертвую зону». Пальмы самоотверженно защищали крохотный клочок воды и суши. Здесь мы нашли остатки лестницы из зеленого цемента, спускавшейся к воде. Я продел литье сквозь большое бронзовое кольцо в причальной стенке и стал подтягивать катер кормой к берегу. Кольцо печально звенело, ударяясь о камень.

— Смотри! — сказал Костя с дрожью в голосе. — Здесь десятилетия не ступала нога человека. Какое великолепное заустенье!

Мы стояли на уцелевшей зеленой ступеньке и как первооткрыватели смотрели на долгожданный берег. Тесно росшие стволы пальм, шурша косматыми макушками, образовывали стену, в узких промежутках между деревьями и на опушке разросся густой кустарник. Вымощенную камнем площадку причала покрывали сухие листья пальм. На них кое-где виднелись кокосовые орехи. Свисали большие сухопутные крабы — кокосовые воры. Пробежала поджарая рыжая крыса, с любопытством посмотрев на нас.

Провожая взглядом крысу, Костя заметил недовольным тоном:

— Я никогда не питал дружеских чувств к крысам. Хотя этот вид, кажется, питается только орехами, и то потому, что у них нет выбора. Придется использовать оазис под столовую, а ночь провести на нашем верном «Мустанге».

Сухая скорлупа кокосовых орехов оказалась великолепным топливом, горела медленно, давала много тепла и углей. Я без труда поймал в лагуне двух морских попугаев. Костя ловко вскрыл им внутренности, потом поднял сухой пальмовый лист, очистил черенок и насадил на него тушки рыбы.

— Самый древний способ приготовления пищи на огне, — сообщил он мне таким тоном, будто только что возвратился из экскурсии в каменный век. — Жаль, у нас нет пряностей...

Я слушал и вибрационным ножом снимал с кокосовых орехов волокно и проделявал в них отверстия. Большинство орехов давно созрело, и в них было мало сока или же он испортился, все же несколько штук оказались наполненными прохладной и необыкновенно приятной на вкус жидкостью. Я расставлял эти естественные чаши с драгоценным соком на камнях древнего причала и думал: кто ходил по нему? Для чего и кому среди рифа понадобилось это коралловое кольцо? Тогда еще не знали, что острова можно отливать из камня?

Я только хотел поделиться своими мыслями с Костей, как и он и я одновременно услышали треск в чаще. Кто-то пробирался к лагуне, ломая кустарник; слышались тяжелая поступь, скрип песка, звон подошв о камень.

— Пообедаем втроем, — весело сказал Костя. — Хотя кто бы это мог быть? Неужели...

Костя не закончил фразы, как из самой гущи кустарника ударила мощная струя воды и в мгновение ока смыла костер и жаркое. Мы сидели в некотором удалении от огня, и это избавило нас от серьезной опасности. Струя воды была до того сильно, что, попав в трещину, выворотила кусок зеленого цемента. Все это мы по-настоящему осмыслили потом, когда опасность миновала и можно было понять, что произошло, а в первые мгновения нас парализовала внезапность и особенно необъяснимость атаки водяной струей. Мы сидели ошеломленные, инстинктивно закрыв лица руками от водяных брызг, затем, как по команде, откатились в стороны и вниз к лестнице.

Струя воды, иссякая, с шипеньем уползала в кустарник. Скрючившись, мы сидели на верхней ступеньке лестницы, не рискуя высунуться.

Костя посмотрел на меня, пожал плечами, фыркнул, вытер воду с лица и громко спросил:

— Кто это вздумал так мило шутить?

В ответ раздался скрип, характерное шипенье, нас обдало водой. На этот раз струя была направлена вверх и на нас падала дождем.

Делая мне знаки, чтобы я не шевелился, Костя приподнял голову над срезом причала. Лицо его выразило такое удивление, что и я поднял голову и удивился не меньше моего друга. На опушке метрах в двадцати от нас возвышалась громоздкая фигура робота. Он был неуклюж, и, видно, его изготовили еще в те времена, когда на внешнюю форму машин такого рода не обращали достаточно внимания, а возможно, что своим создателям он казался образцом элегантности. Но сейчас поражала громоздкость всей конструкции. Тяжелый торс, лишенный ног, передвигался на тележке с гусеничным ходом, по бокам и на спине робота вздувались цилиндрические баллоны. У него не было «глаз», а только спереди и с боков круглые черные мембраны. (Как выяснилось позже, такая же мембрана находилась у него и на затылке.) У робота было четыре руки: две длинные, безжизненно свисавшие почти до земли, две покороче держали блестящие брандспойты: один из них не действовал, из второго била в небо голубая струя морской воды. Когда-то довольно нарядное покрытие из разноцветной эмали потрескалось на туловище и руках, эмаль местами отвалилась, обнажив ржавое железо.

Мы отошли в сторону, подальше от действующего брандспойта, и рассматривали странное создание.

— Он явно хочет потушить солнце, — сказал Костя. — Смотри, шланг точно направлен на наше бедное светило. Ему мало нашего костра.

Костя оказался прав. Как только выглянувшее было солнце закрыла туча, робот выключил подачу воды.

— Пожарный робот, — продолжал Костя. — Музейный экспонат, ничего подобного я еще не видел. Эй, парены! Ты зачем залил наш костер? — крикнул Костя.

Робот безмолвствовал. Видимо, он реагировал только на инфракрасные лучи определенной силы.

И Костя подумал об этом же, потому что предложил:

— Давай испытаем этого дядю?

Мы, с опаской поглядывая на робота, углубились в рощу и принесли ворох сухих листьев, подожгли, и только успели отбежать в сторону, как пожарник смыл и этот костер.

— Нет сомнений! — сказал Костя. — Робот реагирует только на инфракрасную часть спектра.

Я спросил:

— Почему же он тогда не израсходовал весь запас энергии, пытаясь погасить солнце? Судя по виду, он здесь не один год.

— Действительно, странно, — согласился Костя. — Хотя, возможно, железный парень реагирует только на определенные объекты, вроде наших костров. И вообще возгорание органических веществ. Наверное, здесь находились большие запасы топлива, постройки с воспламеняющимися деталями.

— А солнце?..

— Далось тебе это солнце! На солнце он не был прежде настроен, но от долгого безделья что-то в нем испортилось, вот и поливает. Не может остановиться после того, как мы подогрели его своим костром. Что-нибудь неладно с переключением. Как он вообще действует? В баллонах у него прежде находилась какая-нибудь пенообразующая смесь. Кажется, она вся вышла или испарилась. Ты не двигайся с места, а я попробую поближе познакомиться с этим джентльменом. Ну конечно! Смотри! Выключил воду, хотя солнце и светит. Совсем у него, видно, расстроились нервышки. Не делай страшного лица. Неужели после моей сегодняшней демонстрации ловкости и присутствия духа ты сомневаешься, что я не увернусь от этого урода?

Я попытался было остановить Костю, да он только махнул рукой и крадучись направился к роботу-пожарнику. Костя заходил несколько сбоку, голова робота медленно поворачивалась, водяной брандспойт так же медленно опускался, целясь в Костю.

— Берегись! — успел крикнуть я, как струя воды вырвалась из круглого отверстия.

Робот все-таки оказался очень расторопным, вернее, чувствительным, он улавливал теплоту, излучаемую человеком. Водяной заряд пролетел в метре над Костиной головой. Костя упал и быстро пополз к роботу. Я не успел крикнуть, чтобы он остерегался второй пары рук, как два рычага протянулись, схватили его, словно клещами, и отшвырнули в сторону. Костя был хорошим гимнастом и, как кошка, стал на четвереньки.

— Ты видел? — радостно крикнул Костя. — Он бросил меня, как горящее полено. Мы вдохнули в него жизнь. Теперь нам известно назначение и второй пары рук. Давай продолжим прекрасно начатый эксперимент, — он поморщился и потер ушибленное колено. — Вот что, ты отвлеки его с фронта, а я попробую зайти с тыла и добраться до его нервной системы. Не бойся, иди смело, используй мой опыт, только смотри, чтобы он не смыл тебя в лагуну. Ну, пошли! Смотри, он опять хочет потушить солнце! Самый удобный момент! Эх, прозевал! Перестал поливать. Все равно иди смело и учитывай мой опыт!

Я направился к пожарнику, готовый каждое мгновение мет-

нуться в сторону. Брандспойты не двигались в его железных руках, только голова, поскрипывая, поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Учтя Костин опыт, я остановился в пяти метрах от робота.

Ветер яростно гнул стволы пальм и трепал их косматые вершины. Упало два ореха: один недалеко от моих ног, а второй гулко ударился о голову робота. Из второго, до сих пор бездействовавшего шланга закапала пенная жидкость, затем стали вздуваться большие радужные шары. Шары падали на причал и медленно катились к воде, подгоняемые воздушным потоком.

Костя неожиданно вынырнул из-за спины робота.

— Видал? — спросил он, бесстрашно хватаясь и раскачивая длинную руку пожарника. — Теперь понятно, почему у него разладилась схема. По теории вероятностей не один орешек трахнул его по голове с тех пор, как остров стал необитаем. Не бойся, я добрался до его вегетативной системы, нажал все кнопки, повернул все рычаги и главное — отключил питание. Тут есть где-то солнечная, а может быть, и атомная станция.

Внезапно что-то круглое, метра полтора в диаметре стало наискось падать в лагуну и шлепнулось возле противоположного берега, подняв высокий столб воды. Среди низко летевших туч мелькнула «Колымага». Мы бросились к катеру. Из приемника слышался голос Пети Самойлова:

— Я «Колымага»! «Колымага»! На острове! Что случилось? Я вас не слышу...

— Ничего особенного, — ответил Костя, — встретили тут одного занятого робота, возились с ним...

— А мы думали... Ну и отлично.. В тюке самое необходимое. Садиться к вам запрещено при таком ветре. Лагранж и особенно Нильсен боятся. Просили передать, чтобы вы держались берега, в пальмовой роще могут быть неприятные сюрпризы.

У Кости загорелись глаза, он многозначительно подмигнул мне и спросил Петю:

— Что еще за сюрпризы?

— Говорят, что остров сооружен сто лет назад. Здесь могли стоять ракеты.

— Метеорологические?

— Нет...

— Ядерные?

— Да. Ядерные. Я вам сбросил счетчик Гейгера на всякий случай. Проверьте лагуну и береговую полосу. В рощу не суйтесь. Как вы меня слышите?

— Плоховато, мешают какие-то разряды.

— Я тоже плохо вас слышу... Чуть что, дайте знать. Прилетим завтра, как только стихнет немного...

Раздался сильный треск, и связь прервалась.

Мы подогнали к берегу тюк, сброшенный с «Колымаги». В нем находились надувная палатка и множество всякой еды и термосов с напитками. При виде такого количества пищи у нас начались голодные спазмы в животе. Минут десять мы ели все, что попадалось под руку: винные ягоды, рыбу, сливочный крем, ростбиф, плоды папайи, паштет из планктона, запивая все это ананасным соком. За кофе с индийскими бисквитами, присыпанными солью, Костя ска-

зал:

— С таким количеством запасов плюс лагуна и палатка можно жить здесь сколько угодно. Палатку мы установим вон там возле пожарника.

Возле нас медленно прошли

две крысы, волоча по земле длинные голые хвосты. Я невольно подался назад.

— Не бойся,— успокоил Костя. — В такой палатке не страшны и крокодилы! Я знаю эту конструкцию. Полная изоляция от всех нежелательных соседей. Есть кондиционер и фильтры, исключаяющие проникновение москитов, хотя их здесь не бывает.

После обеда мы надули палатку под сенью пальм. Облачность стала плотней. Ветер не утихал, а как будто стал еще яростней. Облака с огромной скоростью летели над головой.

Быстро темнело.

Начал накрапывать, а потом и полил дождь. Потoki воды обрушивались на палатку и журчали под полом. Несмотря на усталость, мы с Костей долго не могли уснуть и делились пережитым за день.

Наконец Костя зевнул и, оборвав фразу на полуслове, заснул.

Ветер дул порывами, только прибор грохотал так, что казалось, сотрясается весь остров, готовый рассыпаться на кусочки.

Я лежал и пытался представить тех, кто создавал этот круглый атолл, возводил на нем здания, а затем жил здесь. «Наверное, этот остров все-таки одно из первых сооружений человека, поставившего перед собой цель покорить океан, — думал я. — Один из первых прообразов нашего плавающего гиганта, отлитого из базальта». Мне не верилось, чтобы разумные люди могли затратить столько труда лишь для того, чтобы тайно создать площадку для стрельбы баллистическими ракетами.

Ночью с нами случилось довольно забавное происшествие: обрушилась палатка. Ткань прогрызли крысы, воздух между стенок вышел, и мы оказались в тесном душном мешке и выбрались из него, разрезав ткань вибрационным ножом. Хорошо, что я никогда не расстанусь с ним.

Потные, злые стояли мы возле сплюсненной палатки, тяжело дыша и стараясь не наговорить друг другу ненужных обидных слов. Мы тогда еще не знали настоящих виновников нашего раннего пробуждения, и мысленно каждый обвинял другого в небрежности при установке палатки. Неожиданно Костя сказал:

— Как хорошо, что мы проснулись так рано. Ты только посмотри, что делается вокруг! Какое небо!

Пассат еле дышал. Созвездия сияли у нас над головой. Зеленый свет ущербной луны сочился между стволсв пальм. На рифе клокотал холодный голубой вал огня.

— Что-то невероятное! — прошептал Костя. — И надо же! Вместо того чтобы любоваться красотой вселенной, мы спим, выключаемся из жизни. Смотри! Даже робот очарован!

Пожарник, одетый в причудливую светотень, застыл, склонив голову набок, его мембраны поблескивали зловещим светом кошачьих глаз.

Луч лунного света упал на палатку, две огромные крысы с деловым видом грызли ткань.

— Брысь! — крикнул Костя.

Крысы пошевелили усатыми мордами и принялись за прерванное занятие. В тени намечалось еще несколько крысиных силуэтов.

— Что они нашли вкусного в этой палатке? — спросил Костя и сам ответил: — Тоска по цивилизации. Их предки-эмигранты приехали сюда из стран, где можно грызть не только одну ореховую скорлупу. И вот генетическая память подсказала, что крысиные боги даровали им лакомое блюдо.

В этом было не столь уж много смешного, но мы захотели так дружно и громко, что крысы с писком брызнули в стороны.

В ту ночь мы больше не ложились. Спать не хотелось, да и не было смысла: через час взойдет солнце, а у нас намечалось множество дел. Надо исследовать остров, заглянуть в лагуну, отремонтировать ракету, чтобы без посторонней помощи пробиться через рифы. Поэтому Костя предложил позавтракать на «Мустанге» и с первыми лучами солнца приняться за дело. Во время завтрака на экране появилось лицо дежурной по ост-

рову Лии Гавари, или, как мы ее звали, тетушки Лии. Это была полная добродушная негритянка, единственный на острове арахнолог, она изучает паукообразных. Мы частенько приносили ей редкие экземпляры любимых ею животных.

— Мальчики! Наконец-то! Я всю ночь искала вас и видела только пустые кресла на вашем «Мустанге». Все островитяне шлют вам привет! Вы, наверное, не представляете, в какое интересное место вы попали! Почти закрытая лагуна и повышенная радиоактивность, не пугайтесь, только слегка повышенная, но достаточная, чтобы при длительном воздействии способствовать мутации. Ну как вы там? Вижу, что чувствуете себя отлично.

Мы рассказали ей о пожарнике и крысах. Она хохотала вместе с нами и сказала, что завидует нам, но, к сожалению, врачи запретили ей предпринимать дальние экскурсии и даже спускаться под воду на глубину нескольких метров.

— Ладно, — сказал Костя. — Мы тут поищем ваших пауков.

На экране и без того полное лицо тетушки Лии расплылось вширь, что объяснялось не только ее улыбкой, а главным образом неисправностью приемного устройства.

— Вот что, мальчики, — сказала она, вдруг посерьезнев. — Я должна вас предупредить насчет поведения на острове...

Неожиданно голос тетушки Лии оборвался, из репродуктора слышалось только легкое потрескивание. Тетушка Лия, не зная, что наш приемник потерял дар речи, продолжала говорить, мы же, застыв у экрана, пытались по движению ее губ понять, о чем же она хочет нас предупредить...

Как всегда, несколько неожиданно окончилась тропическая ночь, запылало небо на востоке, и из воды выплыло солнце. С берега донесся птичий гомон. Мы с Костей занялись исследованием рощи кокосовых пальм. На опушке, в кустах и в глубине рощи мы обнаружили несколько «мертвых» роботов. Они лежали или стояли, у них давным-давно вышло питание и проржавели остовы, их делали из стали низкого качества, видимо надеясь на антикоррозийные покрытия, но эмаль не устояла против резких колебаний температур, высокой влажности и времени. Над головой проносились стаи разноцветных австралийских попугайчиков, они оглушительно щebetали, видимо протестуя против нашего вторжения. Попугаи гнездились в кронах пальм, на ветвях кустарника, несколько гнезд устроили на плечах и головах застывших роботов. Судя по инструментам в руках роботов, они когда-то были садовниками, выпалывали кусты и траву между пальм, а также следили за дорогами и аллеями. Сейчас дороги стали непроходимыми из-за колючих кустарников, пройти можно было только среди пальм.

Пробираясь через заросли, вначале мы строили догадки о том, что говорила тетушка Лия, когда прервался звук. Но постепенно, по мере того, как мы продвигались в глубь рощи, все наши помыслы захватывал этот загадочный остров. Почему его оставили так внезапно? Об этом говорили мертвые роботы-садовники. Долгое время они еще расхаживали среди пальм, подстригая и выпалывая кусты, подметая дорожки. Бедный пожарник до сих пор несет службу.

Мы вошли в дом посреди небольшого разросшегося сада,

в нем сохранилась мебель, библиотека, в кухне работала электрическая плита, в холодильнике, тоже действовавшем, хранился большой запас продуктов. Дом заняли попугаи, они сверкающим потоком хлынули через распахнутые настежь окна.

— Они почему-то бежали, — сказал Костя, когда мы оставили дом и пошли по дорожке, с которой еще не справились растения. — Бросили все и улетели.

— А может быть, они погибли?

— Нет, спаслись, — уверенно сказал Костя. — Следов нападения нет. Их предупредили, и они успели улететь.

Дорожка привела на круглую площадь, вымощенную, как и причал, зелеными бетонными плитами. Среди общего запустения площадь поражала чистотой и порядком, ее матовая поверхность тускло поблескивала, ни одного листа, сучка, ореха не видно было на ней. Как будто только что роботы-дворники вымыли и подмели ее.

На границе площади слегка поднимались над поверхностью непонятные, громоздкие сооружения без окон, но с металлическими, наглухо закрытыми дверями. И еще в центре площади обращали на себя внимание круглые люки с отброшенными крышками. Люков было четыре. Мы направилась к ним, ступая, как по тонкому льду, оглядываясь по сторонам.

Двери одного сооружения без окон открылись, и оттуда один за другим вышли два робота. Они очень хорошо сохранились: совсем новые роботы, которые катили перед собой тележки, издававшие шипение и свист.

— Пылесосы! — сказал Костя. — Вышли на уборку, хотя площадь и так вылизана. Привет, ребята!

Мусорщики повернули головы в нашу сторону, продолжая заранее рассчитанный путь и не сказав ни слова.

— Серьезные парни! — сказал Костя.

Я обратил внимание, что все трещины в асфальте залиты, а некоторые совсем недавно.

Поглядывая на роботов, мы подошли к первому люку. Колодец глубоко уходил в недра острова. Свет фонарика отразился от воды на дне.

— Пусто, — сказал Костя, — глубина метров тридцать, не считая нижней части, затопленной водой. Все-таки интересно, для чего все это?

— Для ракет с ядерными зарядами.

Костя посмотрел на меня.

— Подумать только, что все это создано лишь для того, чтобы выстрелить куда-то!

Я впервые видел его таким серьезным.

Роботы-мусорщики, дребезжа и лязгая, завершили первый круг и, отступив к центру, на ширину уборочной машины, начали второй.

Мы постояли возле четвертого колодца, наблюдая за роботами, затем пошли к сооружениям на краю площади. Не сделав мы и десяти шагов, как из невидимых репродукторов раздался предупредительный вой сирены. Через несколько секунд сирена смолкла.

Мусорщики не спеша направилась к своему бункеру. По соседству с ним открылось еще несколько дверей, и на площадь

высыпала целая толпа роботов. Они выходили и строились в шеренгу. Судя по окраске и форме моделей, каждая из них выполняла различные функции. Здесь были громоздкие тяжеловесы, явно предназначенные для подъема тяжестей, подвижные и более легкие электромонтеры, монтажники и, наверное, нейтрализаторы радиации, а также пожарники, как две капли воды похожие на первого нашего знакомого, что стоял на опушке рощи.

— Что-то вроде торжественной встречи, — сказал Костя. — Видно, давно у них не было высшего начальства. Пошли, поговорим с ребятами.

При первой попытке приблизиться к отряду роботов властный возглас из скрытых репродукторов остановил нас (говорил он по-английски):

— Стойте! Не двигайтесь! Вы нарушили инструкцию 8-3-12. Ждите патрулей!

Нам ничего не оставалось, как подчиниться.

— Мне все это не особенно нравится, — признался Костя. — У них осталась вся система охраны колодцев и еще чего-то. Странно, почему тетушка Лия не предупредила нас. Наверное, сегодня ей уже все известно об этом уютном островке. Или постой! Помнишь, прежде чем прервался звук, она сказала: «Я должна вас предупредить...»

Прошло около пяти минут, но ничего не происходило.

— Патрули не сработали, — сказал Костя. — Что-нибудь должно же у них разладиться. Видишь, эти молодцы загрустили, не зная, что предпринять. С главного поста нет приказаний. Давай потихоньку передвигать ноги к колодцам. Там система сигнализации нарушена. Через час здесь можно превратиться в жарков. Тут мы как на сковородке. Ветер не проникает сюда, да он совсем стих. Ну, я первый.

— Еще шаг, и я стреляю! — прогремело над площадью. — Патрули вышли. Ждите!

Видимо, мы попали в сеть электронных заградителей, и каждое наше движение фиксировалось. Мне стало казаться, что за нами наблюдает кто-то живой и злорадно посмеивается. То же самое пришло в голову Косте.

— Еще зубы скалит, — зашептал он. — Что, если здесь остался один из них?

— Сколько же ему тогда лет, по-твоему?

— Правда... многовато...

Костя набрал в легкие воздуха и крикнул:

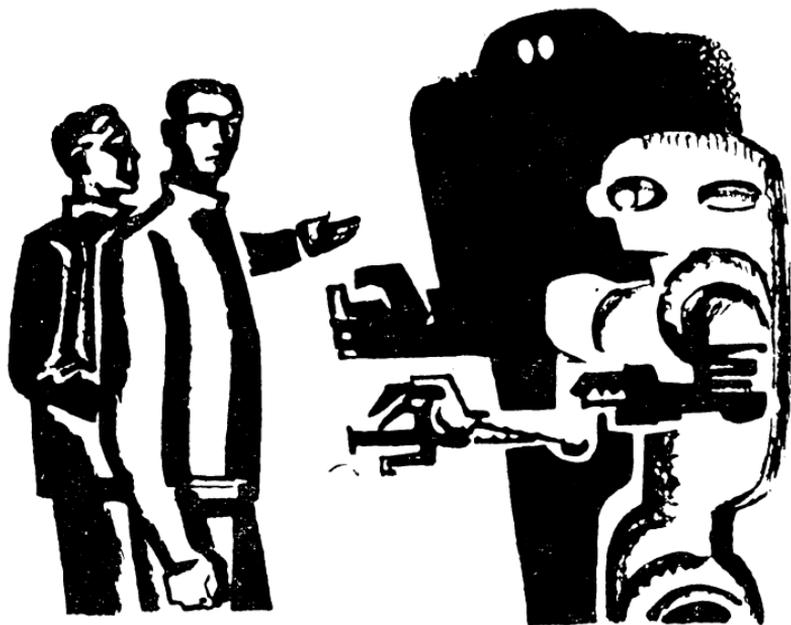
— Где ваш патруль? Мы не можем больше стоять на такой жаре. Сейчас же присылайте его или...

Угроза замерла у Кости на губах. Из кустарника справа от строений вывалился еще один довольно странный робот: низенький, толстый, похожий на пингвина, на коротких ножках-гусеницах. Он со звоном шлепнулся об асфальт и тут же встал, как ванька-встанька, и быстро направился к нам.

Остановился в пяти шагах.

Вид у него был глуповато-самодовольный, в щелках-глазках мелькали разноцветные искорки, к рычагам-рукам намертво прикреплено что-то похожее на два подводных пистолета.

Костя приветствовал его:

— Доброе утро! Как поживаешь, старина? Что это ты так вооружился?

В ответ робот прохрипел, сиюсья повернуться к нам спиной:

— Не разговаривать! Оправдания бесполезны. Там разберемся. Следуйте за мной!

— Где там? И куда следовать?

— Не разговаривать. Следуйте за мной!

— Куда следовать, когда ты скрипишь, как ржавая петля, и ни с места?

Наконец с большим трудом робот повернулся на 180 градусов и покатился по старому следу.

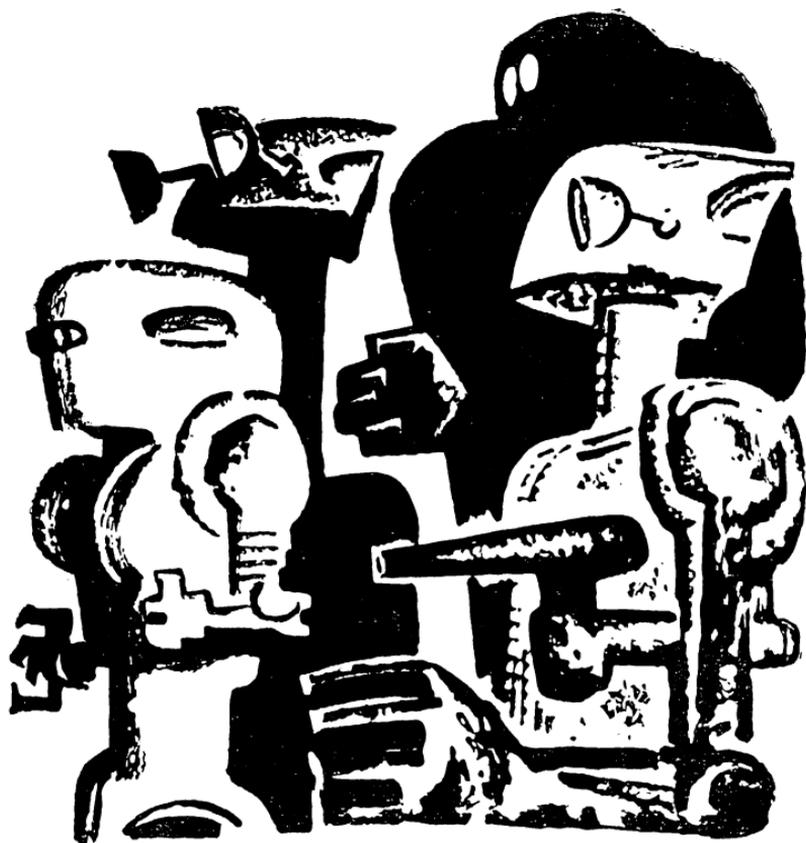
Нам ничего не оставалось, как идти за ним: за нами наблюдали три глаза на его затылке. Одна рука с пистолетом передвинулась за спину.

Мы шли как загипнотизированные, не спуская глаз с дула пистолета, оно угрожающе направлялось то на Костю, то на меня.

— Трудно придумать более идиотскую ситуацию, — ворчал Костя.

Как только «солдат» ступил на дорогу, густо заросшую кустарником, то стал путаться своими ногами-гусеницами в корнях и ветках. Несколько раз он упал. Мы хотели было улизнуть, пользуясь его кажущейся беспомощностью, да вовремя заметили, что в любом положении он ухитрялся держать нас на мушке. Ничего не вышло, и, когда мы попытались отстать от него, робот тоже остановливался и тоном, не предвещающим ничего хорошего, заявлял:

— Не замедлять движения, дистанция между нами — три мет-

ра. — Он делал паузу и добавлял многозначительно: — Во избежание неприятностей.

— Что за манера выражаться, — ворчал Костя. — Сплошные архаизмы. Во избежание! А неприятностями он считает выстрел в живот. Ты заметил, что он все время целится мне в живот? Не отставай! От этого железного идиота всего можно ожидать. Шагай веселей, да не вздумай упасть. Дай руку! Выкрутимся! Смотри! Машина с вещами. Остановилась, а у них не было времени ее исправить. Нам пока некуда спешить. Выкрутимся.

Вокруг грузовика с ржавым металлическим кузовом выросли пальмы. Машина стояла, окруженная стволами, как забором. Недалеке от машины застыли два робота-солдата, прочно попавшие в тенета лиан.

— Наш проводник не застрянет, — ворчал Костя. — У него хорошая память, смотри, обходит заросли, идет по своему старому следу. Попался все-таки?

Лязгая ногами-гусеницами, робот пытался вырвать корень, петель поднявшийся из земли. Мы с интересом наблюдали, как он, поняв, что корня ему не порвать, дал задний ход и обошел преграду.

Костя похвалил:

— Молодец, солдат!

Мы прошли около ста метров. Наш проводник заметно сдал. Движения его стали ленивыми, он часто останавливался перед веткой, преграждавшей ему дорогу, будто решал трудную задачу, затем осторожно продолжал путь.

— Выдыхается наш солдатик, — сказал Костя, — сдают аккумуляторы.

Внезапно кустарник кончился. Робот бодро покатился по зеленому асфальту, направляясь к приземистому зданию с настежь раскрытой дверью. «Во избежание неприятностей» мы побежали за ним.

Робот остановился у двери, опустил руки, направив пистолеты в землю, показывая всем своим видом, что выполнил поручение, а теперь пусть другие расправляются с нами.

Все-таки не верилось, что так легко от него мы отделались, и Костя обратился к нему с пространной благодарностью за то, что он так заботливо обращался с нами во время трудного пути.

Робот молчал, только иногда вздрагивал, будто делая попытку вскинуть пистолеты и разделаться с Костей, а заодно и со мной за явную насмешку, звучавшую в Костиных словах. Трудно сказать, как в конце концов повел бы себя наш проводник, не приди в голову Косте счастливая мысль крикнуть на него повелительным тоном:

— Ну чего стоишь? Ты же выполнил приказ. Иди сейчас же к себе!

Невероятно, чтобы Костя интуитивно разгадал фразу, введенную в программу управления роботом, видимо, все дело было в тоне и количестве звуков произнесенных им трех фраз.

Робот послушно повернулся к нам спиной и покатился по дорожке к еле приметному строению в густой зелени.

Минуту назад единственным нашим желанием было удрать от робота и от этих распахнутых настежь дверей, а сейчас нас так и тянуло в таинственный сумрак за дверями.

— Рискнем! — предложил Костя и, не дожидаясь моего согласия, вошел в помещение. — Двери не закрываются, заходи, Ив! — пригласил он меня, и я не без опасения перешагнул порог.

Мы шли медленно, озираясь по сторонам. Впереди зажигались невидимые лампы, освещая панели из пластика под красное дерево. Позади лампы гасли. Справа и слева через равные промежутки мы видели двери. Судя по надписям, за ними находились помещения с аппаратурой. Надписи — черные на золотистом фоне — загорались, как только мы останавливались у дверей. На полу лежал ковер из синтетических волокон приятной расцветки. Коридор шел с заметным уклоном в недра острова. Я обратил внимание, что в стенах находились двери-здвижки из стали.

— Если они сработают, то нам придется повозиться с ними, пока откроем, — сказал Костя.

Меня всегда удивлял его оптимизм. Он ни на минуту не сомневался, что если все двери захлопнутся, то мы все равно выберемся отсюда.

Коридор круто свернул вправо, и мы, пройдя немного, вошли в довольно большой зал, вошли, не заметив, так как и здесь двери уходили в стену.

Комната медленно наполнялась светом, создавалось именно такое впечатление, что густой желтоватый свет льется со стен и заполняет комнату.

Первое, что бросалось в глаза в этом подземелье, была очень большая кабина из желтоватого прозрачного полимера, перегороженная на две части такой же прозрачной стенкой. В каждое отделение вела узкая щель, закрываемая выдвинутой дверью. Двери были вдвинуты в стену, на торцах поблескивали никелированные защелки замков.

В одной кабине стул был откинут к двери и лежал на боку, во второй почему-то был выброшен за порог.

В каждом отделении от стенки до стенки в ширину помещения стояли узкие столы из коричневого полированного пластика, на каждом столе были установлены микрофоны в виде кобры с раздутой шеей, контрольные приборы, переключатели, несколько рядов кнопок.

Мы стояли в дверях одной из кабин. Костя пояснял:

— Кабинет для операторов. Масса электроники. Но зачем их закрывали на замок и почему они дежурили вдвоем? Здесь мог управиться робот средних способностей.

Стена перед столом отличалась прозрачностью алмазного стекла, за ней метрах в десяти находился большой экран. На нем в окружении косматых пальм виднелась знакомая площадь. Застыл строй роботов. Трудолюбивые мусорщики катили перед собой портативные уборочные машины.

— Ты видишь две большие кнопки. В первой кабине кнопка желтая, во второй — красная.

Желтая кнопка в первой кабине, в дверях которой мы стояли, находилась под прозрачным колпаком, впрессованным в золотистую массивную оправу. Во второй кабине такой же колпак валялся на полу.

Костя продолжал, озаренный догадкой:

— Они нажали красную кнопку, затем чего-то испугались и удрали. Да, вот колпак с этой красной кнопки! Ты стой...

Я не успел его удержать, как он юркнул в узкую дверь и подошел к пульту.

— Все мелкие кнопки от аварийных механизмов, — говорил Костя, жадно рассматривая стол. — На случай, когда не срывает автоматика. Хотя она и сейчас действует замечательно. На всякий случай. Вот — свет. Подача воды в жилые помещения. Двери! Вот это да! Теперь они могут закрываться. Затем верхний ряд для управления роботами. Только возле желтой ничего не написано. Ого! Смотри! — Он поднял с пола возле стола длинный плоский ключ. — От желтой кнопки! Такая же узкая щель. Открыть? Ну ладно, ладно. Вечно у тебя страхи.

Он сунул ключ в карман и почему-то на цыпочках вышел из кабины. За порогом Костя вытер со лба пот, хотя в подземелье веяло прохладой, и признался:

— Мне все время казалось, что дверь кабины захлопнется.

— Нажал бы кнопку — и все?

— Эх ты! А еще психоаналитик. Если бы из нее так легко можно было выйти, тогда зачем двери с таким замком? Там нигде не было кнопки для открывания дверей кабины. Наверное, есть еще пульт. Или их открывал особый человек, когда эти двое забирались сюда. Настоящие мышеловки. Представь, что тебя закрыли в такой коробке и потом захлопнули все двадцать дверей. Самочувствие не из приятных. Наверное, поэтому они и удрали при первом удобном случае. И самое главное: что бы произошло, если бы этот, — он кивнул на дверь левой кабины, из которой только что вышел, — если бы этот не оборвал ключ?

— Вначале надо узнать, для чего желтая кнопка.

— Какая логика! Ив, ты самый здравомыслящий человек, с какими мне приходилось встречаться, — Костя сделал еще несколько едких замечаний по моему адресу, затем потер лоб. — Какое множество загадок. Ракет давно нет. Остальное, хотя прошло столько лет, все на месте. — Он рассеянно взглянул на экран. — Какая туча попугаев уселась на роботов! Кто-то знает, что здесь происходило. Может быть, последняя атомная база? Последний этап разоружения?

Мы принялись за дальнейший осмотр зала. Если исключить кабины, решетчатый экран над столом и микрофон в виде гремучей змеи, то здесь все напоминало главный пост управления на нашей биостанции. Особенно система телевизионной связи. Мы медленно обошли все подземелье. Когда Костя подходил к панели, невидимый свет вспыхивал ярче. За щитами из пластика под мореный дуб поблескивали невообразимо сложные схемы электронных приборов. Угадав мои мысли, Костя сказал:

— Все это кажущаяся сложность. Примитивные приборы всегда сложны на первый взгляд. Совершенство — просто. Старая истина, Ив!

И хотя мы достаточно сильно прочувствовали состояние операторов, заточенных в пластиковых коробках и закрытых множеством стальных задвижек, сами (за исключением Костиных переживаний в кабине) чувствовали себя превосходно, как в детстве, забравшись в комнату ненужных вещей. Ни я, ни Костя особенно не ощущали замкнутости пространства, наверное, потому, что были уверены, что в любое время сможем выбраться отсюда, и еще потому, что с большого экрана все время доносились голоса птиц, свист ветра, рычание океана. В последний раз мы взглянули на экран и радостно воскликнули: на площадь вышли Петя Самойлов и Ки.

Их лица выражали озабоченность и тревогу.

— Следы ведут к центру, — сказал Ки. — Идем.

Петя благоразумно остановил его.

— Постой! Пойду я, а ты останешься в резерве.

— И буду наблюдать, как тебя схватят роботы...

Костя остановил их спор, сказал в микрофон:

— Привет, ребята! Мы в довольно уютном подземном сооружении. Отсюда управляли всем этим хозяйством. Стойте! Ни шагу по площади. А не то познакомитесь с «солдатом»!

Ребята засияли.

— Все прекрасно, — сказал Ки и процитировал изречение ка-

кого-то индийского мудреца: — «Кто ищет — тот находит, хотя не всегда то, что искал». — К цитате прибавил: — А нам повезло вдвойне: мы нашли и то, что искали, и то, чего не искали. Остров густо заселен роботами.

На пороге операторской мы оглянулись, помахали рукой Пете и Ки, забыв, что здесь только односторонняя связь, и увидели, как двери в кабинах одновременно с лязгом захлопнулись, а из стены перед нашими носами медленно поползла толстая стальная плита.

Не обмолвившись ни одним словом, мы бросились бежать и чувствовали, как за спиной пощелкивают броневые двери.

Петя говорил, пожимая нам руки:

— Заставили вы нас пережить несколько довольно неприятных минут.

На пути к лагуне мы зашли еще в один дом. В нем сохранились оконные стекла, двери оказались плотно закрытыми, попугаи не смогли ворваться в него и навести там свой «порядок». Двери гостеприимно раскрылись, когда мы поднялись на широкое крыльцо из популярного здесь зеленого цемента. В холле пахло прохладой, окна, матовые от осажденной на их поверхности соли, скупно пропускали солнечный свет. В доме можно было жить. Старомодная мебель, довольно удобная, очень хорошо сохранилась. Я все время испытывал такое чувство, что вот-вот войдут люди, живущие здесь.

Мы сидели в низких креслах гостиной перед таким же низким столом, покрытым коричневым лаком. Вошел Ки. В руках он держал пожелтевшие листки бумаги.

— Нашел на полу в спальне. Там хаос. Мне показались они интересными. Какие-то записи.

Десять страничек, исписанных крупным, неровным почерком. Читал Костя, а иногда мы все вместе расшифровывали непонятные или сокращенные английские слова. Это были записки солдата, участника войны в джунглях. Эдгар Каули, автор записок, набрасывал их урывками, пропуская иногда по целому месяцу. Что-то мешало ему делать систематические записи. Здесь я приведу только несколько выписок из дневника, полностью они опубликованы в «Историческом вестнике» № Н-3-9, а также выпущены в издании «Открытия и находки».

3.X.

Из всего отряда в сто человек нас осталось только пятеро. Необыкновенное везенье. Теперь только спать, есть человеческую пищу и ни о чем не думать! Не так уж плоха жизнь, черт подери!

8.XI.

Шесть дней в Майами были необыкновенным сном. Гуд бай, Америка! Я снова становлюсь профессиональным убийцей.

20.XI.

Перед атакой мы принимаем таблетки «Прощай, совесть» — так прозвали новый допинг. После приема каждый из нас, не дрогнув, может прикончить родную мать.

3.XII.

Странно, что я до сих пор ни разу не ранен, хотя все ребята, с которыми я начинал, уже гниют в цинковых гробах или съедены зверьем в джунглях. Хотя я не прячусь и прослыл храбрецом. Все это чушь — храбрость, просто мне все равно. Я знаю, что мне не выбраться. Какая была бы подлость, если после всего останусь жить.

10.V.

Через полтора месяца я выберусь из этого ада. Неужели все это останется позади и я смогу смыть с души грязь, кровь, слезы своих жертв? Все возможно. Живут же подлецы и почище меня. Все зависит от точки зрения на происходящее. Главное — сохранить в себе остатки человека. Есть ли они?

15.V.

Сегодня встретил Джона Хеймена из отряда «зеленых берегов», он вернулся из очередной «экскурсии».

Жаловался, что невыгодно стало работать. Правда, теперь он получает за ухо убитого не десять, а пятнадцать долларов, но говорит, что все труднее становится добывать монеты. И все опаснее.

25.VI.

Дождь. День и ночь хлещет теплый водопад. Весь мир размок. Лагерь под серым колпаком с дырами, а там, наверху, океан теплой воды. Наши дожди — легкий туман из пульверизатора. В этом милом месте я пробуду целый месяц. Как старый опытный ландскнехт, я должен обучать туземцев стрельбе из автоматов и прочим нехитрым приемам уничтожения себе подобных. Но все понимают, что это рискованное занятие. Они только и ждут, чтобы им выдали оружие, и тогда перестреляют нас и уйдут в джунгли. Мы, то есть белые, по целому дню сидим в баре, а они — в бараках с дырявыми крышами. Для поддержания боевого духа каждый день по радио передается беседа, одна и та же — о наказаниях за неповиновение, дезертирство, подстрекательство к мятежу, кражу оружия и пр. воинские преступления. Наказание одно — расстрел. В довершение передается длинный список казненных. Каждый четверг, опять-таки в целях повышения боевого духа, в лагере происходит публичная казнь. Делается это по-будничному, на скорую руку, никому не хочется мокнуть. Солдаты жмутся к стенам казарм, командование стоит под специальным навесом. Режущий душу залп из автоматов — и то, что мгновенье назад было человеком, падает в яму с водой. Жуткая штука эта яма с коричневой жижей...

6.VII.

Пошла вторая неделя, как я очутился на этой крохотной кучке кораллового песка. Среди жидкой рощицы пальм в довольно приличном доме. Что я пишу? Это дворец! Никогда я не жил в таком доме. Только видел с улицы фасады похожих сооружений, да еще в кино. Все эти дни я упивался чувством собст-

венника, совершенно забыв, какую цену я заплатил за это. Хотя как сказал майор Пирсон: «Что ты теряешь? Жизнь? Здоровье? Доллары? Ты все это потерял давно, там, в джунглях. Ты, живой мертвец. Убитый тысячу раз. Соглашайся! Через три года ты будешь богат и знатен. Можешь жениться на ком угодно! И только потому, что все эти три года будешь жить, как английский лорд в уединении. Нет, тебе повезло. Немыслимо повезло. И знаешь почему? Мы нашли, что ты идеальный исполнитель чужих решений. Здесь не надо думать, анализировать, а только ждать приказа. В случае войны ты поступишь так же. А может, войны не будет еще лет двадцать. И если будет — безопасней места не найти. Это тебе не джунгли. Всего три года проживешь на островке. Затем — куча долларов, ранчо...»

Как я ухитрился запомнить весь этот рекламный бред, рассчитанный на людей, уставших от того набора нелепостей, что называют жизнью. Память у меня не особенно хорошая, я никогда не помнил номера своего автомата. А эту брехню запомнил и вот читаю ее сейчас, как стихи, выученные в детстве ко дню рождения бабушки.

И вот я идеальный исполнитель чужих решений, живу в этом бунгало.

10.VII.

Майор Пирсон сегодня утром спросил: «Ты что-то там ма-раешь карандаши? Дело твое. Пиши что хочешь. Но помни: все останется здесь. Лучше запоминай. Потом расскажешь внукам. Хотя что можно написать о нашем острове? Но ничего не под-делаешь: инструкция».

Пирсон у нас старший. Парень он неплохой, тоже побывал в джунглях. Это сразу видно по его взгляду, у меня, наверное, такой же потерянный взгляд убийцы. Всего нас на острове двадцать человек, включая ребят, обслуживающих базу и стан-цию. Также интересная публика, но из джунглей только мы двое.

20.VIII.

Джим Тэрбер вчера шепнул мне, для чего красная кнопка. Простодушный парень этот Тэрбер. Все с первого дня знали, для чего эта кнопка. «Ты скажи, для чего желтая?» — спросил я. Действительно, над этим стоит подумать. Хотя нам платят деньги за то, что мы не думаем...

— Что это за желтая кнопка? — спросил Петя Самойлов. — Вы не заметили ее там?

— Кнопки две, красная и желтая, — сказал Костя, — ключ от желтой мы нашли. Я захватил его. Вот он! Красную давно нажали, и ничего.

Мы стали рассматривать ключ.

— Это хорошо, — сказал Ки, — что он у нас.

— Поэтому я и взял его. Конечно, колодцы пусты. Ракеты вывезли. Ключ стоит поместить в музей.

— Ребята, здесь все-таки повышенная радиация. Хотя и незна-чительная, но все же... — спохватился Петя.

Мы вышли из дома и побежали к лагуне, продираясь сквозь заросли кустарника, мимо ржавых роботов, сопровождаемые оглушительными криками попугаев...

Петя Самойлов сидел в кресле пилота, мы втроем — возле окон — смотрели вниз, где среди белой ленты прибора виднелось едва заметное зеленое пятнышко.

Костя повернулся от окна:

— Для чего все-таки желтая кнопка?

— Я где-то читал о подобном искусственном острове с ракетами... — сказал Петя. — Очевидно, чтобы запустить их, нужно было нажать обе кнопки, красную и желтую. Красную нажал какой-нибудь сошедший с ума, не выдержавший напряжения оператор, а желтую... Может быть, они еще раньше догадались, что с нажатием желтой кнопки взлетят не только ракеты, но и весь остров вместе с ними. Помните отброшенные от главного пульта стулья? Наверное, они силой вытащили сумасшедшего оператора и бежали, бежали в панике, испугавшись за собственную жизнь. Ведь они почти все были на грани безумия. Кто-нибудь из них, окончательно лишившись разума, мог нажать и желтую кнопку... Впрочем, подробно о том, что здесь произошло, мы узнаем на биостанции. Там уже получили справку из исторического архива.

Петя изменил угол винтов, и белая лента прибора медленно поплыла от нас. Скоро сверкающее пятнышко совсем затерялось в пене прибора.

— А мы-то думали, — сказал Костя с глубоким вздохом и взял с пола стеклянную банку, захваченную с катера («Мустанг» навсегда остался в круглой лагуне), в банке копошилось с десяток пауков. Костя поднес их к окну и сказал:

— Вот этот, в красную полоску, приведет в восторг тетушку Лию.

— Да, очень интересный экземпляр, — сказал Петя.

Ки, сосредоточенно молчавший, вздрогнул, обвел нас взглядом и покачал головой:

— Ужасный, что вы нашли в нем интересного?

— Ты об этом, в полоску? — с недоумением спросил Костя.

— Ах, вы вот о чем... Я думаю о другом. Он убивал моих предков. Страшный и с ограбленной душой человек...

На 1-й стр. обложки — рисунок Н. ГРИШИНА
к рассказу С. Жемайтиса «Острова забытых ро-
ботов».